

Праздники и будни Таганрога

Петр Тюрин

Автор этих записок Пётр Федорович Тюрин (1903–1972) родился в Таганроге в семье банковского служащего. Отец его, Фёдор Васильевич, был человеком примечательным. Крестьянин по происхождению, он никогда не переступал порога школы, но самоучкой освоил азбуку под руководством местного помещика. Перечитав домашнюю библиотеку своего покровителя и самостоятельно освоив азы наук, юноша отправился искать счастья в ближайший уездный город – Таганрог. Здесь ему удалось устроиться письмоводителем к предводителю дворянства, а потом, по его рекомендации, служащим в строительный банк. Скромной зарплаты клерка хватило, чтобы через несколько лет купить небольшой – в шесть комнат – домик для семьи, в которой уже родились трое детей.

Одним из этих детей и был автор «Воспоминаний», всю свою жизнь (кроме нескольких лет учёбы в Харьковском медицинском институте) проживший в этом городе на берегу Азовского моря. П. Ф. Тюрин был главным терапевтом Таганрога в 1940–1950-х годах.

Идёт время, меняется облик нашего города, меняются особенности быта его жителей. Многие из прошлого кажутся новому поколению непонятным или даже смешным. Многие ему вообще неизвестно. Люди будущего утратят представление о дореволюционном облике Таганрога, хотя, может быть, будут интересоваться прошлым, как интересуемся им мы сами.

Исчезают дома с их обстановкой. Уже сейчас нелегко найти предмета обихода тех дней, а из сохранившихся вещей не все могут рассказать о своём времени. Может быть, это оправдывает попытку сделать хотя бы и несовершенные зарисовки некоторых бытовых черт нашего города в предреволюционные годы.

Относятся они в первую очередь к жителям одного, наиболее знакомого мне квартала. Но жизнь его обитателей переплеталась с жизнью других районов Таганрога. Находился он на окраине, там, где не было ни мощёных дорог, ни тротуаров. Дороги летом зарастали бурьяном, лишь посередине пролегала пыльная полоса, выбитая нечасто показывавшимся здесь транспортом. На пешеходной части местами была проложена дорожка из известняка, а местами – лишь отдельные камни, тем более редкие, чем дальше от центра. Кое-где не было и камней. Осенью всё утопало в грязи.

Жили здесь в небольших двух- и трёхконных домиках, построенных из самана, иногда обложенных кирпичом, под железной, черепичной или даже деревянной крышей. В кварталах подальше от центра попадались и хатки, покрытые камышом.

Жителями были семьи служащих, приказчиков, базарных торговцев, лавочников, рабочих. Была семья мастера (квалифицированного рабочего) металлургического завода. В одной из семей отец торговал (не очень успешно) на базаре курами, а жена и многочисленные дочери весь день шили простые хлопчатобумажные брюки по заказу базарных торговцев дешёвой одежды. Некоторое время жил тряпичник, семья которого занималась обходом дворов, выбирая в мусорных ящиках кости, тряпьё, бутылки и всё, что могло быть пущено в дело.

В квартале жила семья квасника, то есть владельца квасни – деревянного киоска, в котором продавался хлебный квас. В квасне было две бочки: в большей – кислый квас, в меньшей – сладкий. Продавался квас кислый большими, а сладкий маленькими стеклянными кружками. Чаще пили смесь кислого и сладкого: на копейку кислого и на копейку сладкого или на две копейки кислого, а на одну копейку сладкого – своего рода коктейль. Пить один

лишь сладкий квас было дорого, а некоторым и не нравилось. Квас покупали и для окрошки. В квасне были также стеклянный лоток с дешёвыми конфетами – марафетами, как их называли, и сито с жареными подсолнечными и тыквенными семечками. Такие квасни стояли в окраинных районах или на границе центра и окраины, в частности на углу Елизаветинской (Розы Люксембург) улицы и Соборного (Красного) переулка. В центре города их не было.

Жила здесь и семья мелкого подрядчика, бравшего подряды на небольшие строительные работы, вроде копки и облицовки цистерн для дождевой воды. Эти цистерны представляли собой круглые, довольно глубокие (2–2,5 м) ямы, облицованные цементом и битым кирпичом или галькой. Кверху цистерна сужалась и переходила в большую железную трубу с воротом. Вода с крыши собиралась во время дождя через жёлоб, вставленный в приспособление для фильтра – ящик из оцинкованного железа, облицованный кирпичом. Дно ящика было решётчатым, на нем лежал войлок, а поверх – галька и древесный уголь. От фильтра под землёй наклонно шла труба, по которой вода текла в цистерну. Воду доставали ведром, прикрепленным к вороту верёвкой или цепью. Дождевая вода была холодной, мягкой и казалась сладковатой после обычной воды из скважин, которую называли машинной водой.

В пригородных кварталах цистерны были редкостью. В квартале, о котором идёт речь, цистерны стояли в одном, может быть, в двух дворах, в других кварталах ещё реже. Чтобы их сделать, нужны были деньги. Да и крыша нужна была железная, с достаточной площадью для сбора воды. В центральной части города цистерны стояли во многих дворах. Тем, кто не имел цистерны, водовозы доставляли воду в мерной бочке, поставленной на телегу. Воду они брали в водокачках, качавших её из скважин. Лучшей считалась вода из водокачки Петриченко. Водовоз обычно клялся, что он возит воду именно от Петриченко, и в доказательство предъявлял квитанцию. Но, как правило, хозяйки в квитанцию не заглядывали и тем более не отбирали её, так что одной квитанцией можно было оправдать не одну бочку. Водовоз был неотъемлемой частью городского быта. Дети играли в водовоза, на базаре в игрушечных ларьках и в магазинах продавались игрушки-водовозки: деревянные лошадки, запряжённые в тележки с деревянными бочками. Кроме того, в пригородах имелись копаные грунтовые колодцы, из которых воду доставали каждый своим ведром. Санитарного надзора за колодцами в сущности не было.

Жили в квартале и люди, род занятий которых был неясен. Материальный уровень обитателей окраинных кварталов был значительно ниже уровня жизни центральной части города. Центральный район ограничивался, с небольшими отступлениями, улицами Греческой, Елизаветинской (Розы Люксембург) и переулками Коммерческим (Украинским) и Гоголевским. Дома там были выше и длиннее по фасаду, хотя часто всё в те же три окна. Построенные из кирпича, крытые железом, они имели больше комнат. У большинства имелось так называемое парадное – вход с улицы под навесом. Встречались дома в четыре – шесть окон и даже больше. Изредка встречались двухэтажные дома.

Зданий, претендовавших на оригинальность, было немного. Постройка большинства из них относится к более раннему периоду. Располагались дома преимущественно на Греческой и Николаевской (Фрунзе), по Итальянскому переулку. Из домов, претендовавших на оригинальность и построенных в предреволюционные годы, выделялся дом купчихи Шароновой на углу Николаевской (Фрунзе) улицы и Гоголевского переулка. Живописные стены были выложены изразцами, синие головы львов у ворот выполнены по эскизам Врубеля. Над крышей возвышалась башенка, увенчанная железным кругом, в который были вписаны инициалы владелицы дома – Е. Ш. (Екатерина Шаронова). Через некоторое время они исчезли. Говорили, что снять их заставила полиция, так как получалось что-то вроде «Е» и римская цифра III (Екатерина Третья). Долгое время оставался довольно нелепый круг, и лишь после войны его сняли и заменили шпилем с железным флажком.

Дома центральной части, несмотря на внешнюю привлекательность или даже красоту, имели мало коммунальных удобств. Отопление было печное, углём; водопровода и канализации не было. Лишь в единичных домах имелись ванны. В ряде домов были уборные с выводом нечистот в выгребную яму (в большинстве случаев – всасывающая яма, которая

запрещалась санитарными правилами, но обычно запрещение нарушалось – на худой конец за счёт взятки. Дороги в центральной части были вымощены булыжником, а тротуары – каменными плитками. Ширина тротуара зависела от зажиточности владельца прилегающего к тротуару дома.

Жили здесь владельцы или директора заводов, инженеры, крупные служащие заводов или банков, адвокаты, врачи, владельцы магазинов, помещики близлежащих поместий, крупные чиновники, учителя гимназии и др.

Наиболее низкий уровень был у жителей городских пригородов: Касперовки, Скараманговки, Комбициевки и номерных переулков, все разраставшихся, носивших в то время нелепое название Сабачеевка.

В этих переулках были уже не домики, а хатки из самана, большей частью в два окна, крытые обычно камышом, изредка черепицей или деревянной крышей, очень редко железом. Улицы не были замощены, дорога не отличалась от пешеходной части. В первых трех пригородах улицы были расположена беспорядочно. Жители там селились на частных землях, принадлежавших собственникам: Касперову, Комбициеву, Скарамангову. На номерных переулках улицы и переулки располагались по принятой в Таганроге строгой планировке, так как здесь дома строились на земле, арендуемой на девяносто девять лет (не на сто, потому что сто лет – это век, и значило бы навечно).

Жили в пригородах рабочие близлежащих заводов, мелкие ремесленники, извозчики, местные лавочники и некоторые другие. Три части города: центр, окраина и пригороды – различались не только характером жилищ и дорог, но и другими признаками. Так, в центре улицы освещались газовыми фонарями. Они давали если не очень сильный, то в общем достаточный для пешеходов свет приятного голубоватого оттенка, особенно красивый при падающем снеге. В то время такое освещение казалось совершенным. Газ получали от газового завода, находившегося в районе Сенного переулка, почему Сенного – трудно сказать. В Таганроге был Сенной базар, но в другом месте, там, где теперь трамвайный парк.

Окраинные кварталы освещались керосиновыми фонарями – по три в квартале, вернее, по пять на два квартала. За ними следили фонарщики, обходившие свой участок дважды в день; они несли на плече большую деревянную лестницу. Утром, приставив её к фонарному столбу и взобравшись на неё, тушили керосиновую лампу в фонаре, чистили стекло, фитиль, доливали керосин. Вечером, при повторном обходе, зажигали лампы. Горели они тускло. Но в пригородах жили вообще без уличного освещения.

Летом жизнь начиналась пением петухов. Петухов и кур держали в каждом дворе. Они свободно гуляли, выходили на улицу, не вызывая чьего-либо протеста, иногда забирались в чужие дворы и тогда срочно изгонялись. Вместе с петухами или чуть позже вставляли хозяйки, чтобы приготовить чай и всё, что нужно мужьям к выходу на работу. За ними вставали и мужья. Время выхода зависело от характера работы и расстояния до неё. Дальше всего приходилось идти рабочим металлургического завода – через весь город. Рано нужно было выходить базарным торговцам, хотя расстояние было небольшое. Позже шли приказчики магазинов и ещё позже – служащие: идти ближе, и занятия начинались не так рано.

Рано или поздно, близко или далеко, но все шли на работу пешком. Единственным транспортом были извозчики. Одноконный лёгкий экипаж с откидным верхом, отбрасываемым в хорошую погоду, имел два сиденья: основное, более удобное, и скамеечку, тоже покрытую кожей, но более жёсткую, на которой могли поместиться два пассажира, обычно дети. Они сидели спиной к направлению движения и опирались спиной на козлы кучера. Козлы (или облучок) возвышались в передней части экипажа. Извозчик был облачён в широкий кафтан, запахивающийся спереди, обшитый блестящими, под серебро, ажурными пуговицами в несколько рядов сверху донизу. Зимой он был тёплым, на вате, летом подпоясывался цветным кушаком, чаще красного цвета.

Экипаж был на рессорах. Под задним сиденьем рессоры были больше. Они несколько выдавались сзади. Большой соблазн для мальчишек с окраин! Ухватившись за рессоры и опершись ногами на заднюю ось, можно было проехать один-два квартала, пока извозчик не

заметит и не погрозит кнутом. Большая часть экипажей была на железном ходу, и они сильно тархтели, когда ехали по мостовой. У меньшинства колёса были на резиновом ходу, со сплошной резиной, и совсем немногие имели пневматические шины, их называли «лихачами»: экипажи сверкали чёрным лаком, спицы на колёсах выкрашены в ярко-красный или зелёный цвет, лошадь покрыта цветной сеткой, кафтан на лихаче – из более дорогого материала. За проезд на лихаче плату брали дороже. И кучера и экипаж объединяли одним словом «извозчик» и ездили не «в экипаже», а «на извозчике». Зимой извозчики ездили на лёгких саночках, «kozyрьках», в которых могло поместиться двое. Можно было добавочно на колёни посадить ещё ребёнка, если он был с пассажирами. Санки скользили легко и беззвучно по снежной дороге. Для предупреждения пешеходов и встречных возчиков зимой к лошади привешивали бубенчики, звеневшие мелодичным звоном. Летом слева от козел крепился электрический фонарик, дававший слабый свет. Электрических фонариков на оглоблях, о каких писал Блок в «Двенадцати», у таганрогских извозчиков не было.

Как правило, извозчики были хозяевами-единоличниками, что, может быть, в какой-то мере объясняло, вместе с безграмотностью или малограмотностью, то, что в их среде насчитывалось немало членов «Союза русского народа» – весьма реакционной организации. Впрочем, это не всегда было следствием реакционности. Как-то пришлось услышать такой разговор: «А чего это ты записался в Союз?» – «Да, знаешь, если выедешь со значком, так и городские не цепляются, и стать можно где лучше. А без значка знай, прогоняют».

Ни служащие, ни тем более рабочие на работу на извозчиках не ездили. Проезд в один конец, как тогда говорили, стоил 20 копеек – невыносимая трата для мелкого служащего или рабочего. Езда на извозчике была роскошью. Обычно извозчика нанимали, если нужно было привезти врача. А к врачу больной, если мог, шёл пешком.

Для перевозки тяжестей, угля, мебели при переезде, овощей на зиму и т. п. нанимали ломового извозчика – драгала, как его называли.

Хозяйки на базар шли также пешком, хотя нести назад корзину с овощами было иногда нелегко. А ходили обычно каждый день. Только на базаре можно было найти мясо, рыбу и все молочные продукты: творог, который тогда назывался сыром, сметану, кислое молоко, масло и обычное молоко, которое называли «сладким». Там же продавали и кур, и яйца, и все овощи. Специальных мясных, рыбных, молочных магазинов вне базара в городе не было. Молочная ферма «Галька» поставляла молочные продукты состоятельным жителям центра. Продукты развозили на льду в одноконном закрытом фургоне на рессорах, напоминавшем большую карету.

Необходимость покупать продукты ежедневно диктовалась обстоятельствами. Ни сырые продукты, ни приготовленную из них пищу хранить было негде. Лишь в отдельных домах были примитивные ледники – небольшие шкафы со вставленными двустенными ящиками из лужёного железа, меж стенами которых находился лёд. Лёд для них нужно было покупать, что стоило недёшево.

На бойне имелась небольшая фабрика, где готовился лёд. Лёд доставлялся конными фургончиками – вроде тех, в которых возили молоко с фермы; только они были меньше. Но этот лёд стоил дорого. В некоторых дворах в центре засыпали зимой лёд, принесённый с моря, и заливали водой, затем засыпали соломой. Основная же часть жителей хранила нескоропортящиеся продукты в погребах. Зимой всё это было проще, но и тогда готовили обед каждый день.

Посещение базара, кроме необходимости, являлось и своего рода развлечением, можно было встретить знакомых, вообще повидать людей, да и сам процесс покупки развлекал.

В это время торговля концентрировалась на Новом базаре. Так называемый «Старый базар» потерял уже своё значение, крестьяне не хотели везти туда продукты – ехать было дальше, не было вокруг магазинов. Некоторое время полиция пыталась сгонять «привоз» два раза в неделю с Нового на Старый базар, но это не помогло.

После возвращения с базара начиналось приготовление обеда. Улицы пустели, в городе воцарялась тишина – такая, что в квартале, расположенном в полутора-двух километрах

от порта, слышались лязг разгружаемого железа, работа землечерпалки, находящейся далеко в море. А от железнодорожной станции, находящейся на таком же расстоянии, – не только гудки паровоза, но и шум пара, и стук колёс. Время от времени тишина нарушалась голосами, как теперь сказали бы, представителей бытовых услуг с доставкой на дом. Чаще и громче звучали голоса продавщиц бубликов. У каждой была своя манера и высота голоса, свои ударения, тембр, протяжённость звука. В разных концах города слышалось: «Бубликов, бубликов, бубликов!» Значительно мягче звучали мужские голоса: «Вот точить ножи, ножницы» – это шёл точильщик, неся на плечах тяжёлый точильный станок, с улицы на улицу, изо дня в день. Навстречу – певучее: «Тазы, ведра починяю!» – жестянщик с мешком на плече, на мешке – листы жести и железа. Тазы, ведра, кастрюли и пр. починялись во дворе заказчика. Значительно меньше было лудильщиков; их приходилось искать, если возникала необходимость.

Время от времени слышалось: «Бугиля, бугиля!» – это продавец древесного угля, который покупали для растопки самоваров. Он возил уголь в высокой плетёной, из тростника, корзине, поставленной на колёса. Уголь продавался на мерку, напоминавшую форму для куличей. Почему «бугиля», а не угля? Возможно потому, что уголь привозился из Украины. А может быть, это один из украинизмов, которых было много в речи таганрожцев. Так, например, говорили: «по воду», а не «за водой». Сказать «за водой» значило получить замечание, хотя в песне пели: «Шла девица за водой». Вообще, слова часто искажали. Говорили «калидор», или «пиль» (вместо «пыль»), «фатажек» (а не керосин), «плитуар» (то есть тротуар) и тому подобное.

Ещё один продавец предлагает: «гарбузов, гарбузов», – тоже украинизм, да ещё с искажением смысла: по-украински арбуз – кавун, а гарбуз – тыква. Впрочем, тыкву в Таганроге и сейчас ещё называют кабаком.

Одним из наиболее редких был голос старьевщика: «Старые вещи покупаю»; они начали исчезать ещё до революции.

Но, пожалуй, самими чистыми были голоса мороженщиков. Если «бубликов, бубликов» раздавалось по утрам, то призывы «сахарно морожено» или «вот сахарно морожено» звучали чаще в середине дня, когда усиливалась жара, и к вечеру, когда все возвращались домой. Мороженое возили в двухколёсной тележке, на которой стояла деревянная лохань, а в ней – обложенные льдом и солью два-три металлических ведёрка: одно побольше – со сливочным, и ещё одно-два – с грушевым, вишневым, кофейным и другими наполнителями. Мороженое накладывалось в толстостенные стеклянные стаканчики разной величины, к стаканчику прилагалась костяная ложечка. Мороженщик ждал, пока покупатель, обычно детвора, съест мороженое, затем ехал дальше. Ложечки и стаканчики полоскались в воде из маленького металлического бачка с краном, приспособленного к тележке. Последние годы продажу мороженого усовершенствовали, оно накладывалось между двумя небольшими круглыми вафлями с помощью специальной металлической формочки. При этом не нужно было ничего мыть. Несмотря на небольшую цену, мороженое покупали не часто. То небольшое количество, что помещалось на тележке, мороженщик, чтобы распродать, возил целый день по улицам города, и не всегда успешно.

В центральные районы мороженщики старались не забираться, особенно в самый центр – на Петровскую, Николаевскую, где их гоняли городовые. Жители этих улиц находили неприличным брать мороженое у мороженщиков. Обычно его ели в своего рода молочных кафе, которые летом открывал в городском саду и на открытой веранде в санатории Чанышев, большой мастер готовить молочные продукты.

Кроме мороженого, там продавали кислое молоко, куше и кефир, а также боярский (хлебный) квас, ситро. Кефир (газированный) продавался в небольших бутылочках, закрытых фарфоровой «пробкой» украшенной ещё и проволокой. При откупоривании вырывался газ.

Более доступными, чем мороженое, сладостями для детей, живших в окраинных районах, были марафеты – дешёвые конфеты, их продавали торговки на углах улиц. Семечки у

них находились в больших корзинах, а маршфеты в стеклянном лоточке. Продавались они и в кваснях, – тонкие, плоские, ромбовидные маковники, ириски, леденцы, засахаренные орехи и ещё какие-то, описать которые невозможно, формой и величиной как маковники, но состоящие из неопределённого вязкого, ярко окрашенного в красный цвет тестовидного вещества. Взрослые часто говорили нам: «Как вы можете есть такую гадость?» Всякие сладкие соблазны в большом разнообразии продавались и на базаре. Например, «огурчики» – кусочки теста с рифлёной поверхностью, видимо, вначале поджаренные, а затем варённые в меду. Фруктовая халва, вначале склеивавшая рот, а затем растворявшаяся в нём, продавалась кусками; рожки, привозимые из Греции, – стручки, напоминавшие внешним видом стручки акации, но более толстые, не терпкие и сладкие; и многое другое.

Всё это покупалось очень редко, и уж совсем редко, особенно к большим праздникам, покупали в магазинах конфеты фабричного изготовления, чаще всего леденцовые и карамель в разноцветных обёртках. Шоколадных конфет в непраздничные дни не покупали вообще, а в праздники – не более 1/4 фунта (фунт – 400 г). Так же редко покупали фрукты, продававшиеся на базаре, и совсем не покупали их в фруктовых погребках. Их было два: на Петровской – магазин братьев Халкендовых, на Николаевской; и ещё один-два на базаре. Газированную воду (сельтерская) с сиропом продавали в ларёчке на Петровской. Впрочем, об этом ларёчке ходили плохие слухи.

Фруктами дети лакомились, если во дворе росли свои деревья, – как правило, вишни и жердёлы, иногда сливы, абрикосы. Обычно фрукты покупали в сезон на базаре для варки варенья. Варенья варилось немного. Оно было доступным, но не ежедневным лакомством, и когда бывали гости, варенье подавалось двух-трёх сортов.

Из других заготовок на зиму варили томат, солили в бочках капусту, огурцы. На базаре хозяйки покупали продукты сельского хозяйства, хлеб же, крупы и бакалейные товары – в бакалейных лавках, то есть в продуктовых магазинчиках, расположенных в комнате с выходом на улицу, в доме, где жил хозяин лавки. О приходившем хозяину возвещал звонок, висевший на двери. В лавке продавался хлеб обычного для таганрожцев сорта: «дрождевой» – более белый и более дорогой, и «макаронный», вязковатый, – возможно, из макаронного теста. Ржаной тёмный и так называемый пеклеванный не имели широкого спроса и распространения. Любители покупали их в специальных булочных.

Кроме хлеба, в лавках продавали крупы, макароны, дешёвые конфеты, дешёвые сорта варёной колбасы, подсолнечное и так называемое «деревянное» масло – сорт оливкового масла для лампад (иконы были почти в каждом доме). Лишь отдельные любители покупали деревянное масло для еды, на что другие смотрели, как на чудачество.

В лавке также из-под полы можно было купить и водку. Вообще же водка продавалась в монополяках. Такая монополяка располагалась на углу Елизаветинской (ул. Р. Люксембург) и Полтавского (А. Глушко) переулков. Сюда стекались в обеденный перерыв ломовые извозчики, грузчики, многие из «сезонников»: маляры, штукатурки и другие мастеровые – местные и приезжавшие на лето. Все столы монополяки была утыканы сургучом. Купив небольшую посудину, чаще сотку (1/100 ведра – 120 г), извозчики, драгали, сезонники обдирали о стенку сургучную печать с горлышка и выбивали ударом под дно пробку.

Обычно в бакалейную лавку посылали детей, но иногда в свободную минутку шли сами хозяйки. Там можно было встретить соседок и переброситься словами, узнать новости.

Кроме базара (слова «рынок» тогда почти не употребляли), стояли в центре и бакалейно-гастрономические магазины.

Иногда товар в лавке забирался «на книжку», в которую лавочник записывал товар и цену. Платили один-два раза в месяц при получении зарплаты. Больших доходов лавки не приносили, и владелец обычно где-то работал ещё. Так, хозяин одной из лавок квартала служил приказчиком в мануфактурном магазине. В его отсутствие торговала жена. На центральной улице и в районе базара, в Гоголевском переулке, находились специальные гастрономические магазины, вкусно пахнувшие соблазнительной едой, но в них жители квартала заходили редко, обычно лишь перед большими праздниками.

Но вот всё, что нужно для еды, куплено, и хозяйки, прибрав дом, готовят обед. Обычно готовился борщ, реже суп, вторые блюда зависели от ряда обстоятельств; а на третье, как правило, летом – арбуз или дыня, зимой – компот или кисель. Многие жители квартала соблюдали посты.

Обедать полагалось всей семье. После обеда наступало время досуга – у кого большее, у кого совсем малое.

Летом, отдохнув после обеда, в кварталах, расположенных к морю, шли купаться. Это было не только гигиеной, но и отдыхом. Шли напрямик через пустыри, по тропинке обрыва или через мощёный Банный спуск, что возле скотобойни. Можно было пройти до конца спуска, но там купали лошадей. Обычно, не сворачивая на последний виток вправо, сходили по каменной лесенке влево. Слово «пляж» тогда не употреблялось.

Женщины купались отдельно от мужчин: ни купальных костюмов, ни трусов, ни плавок обычно не продавали.

Время от времени бойня спускала в море отходы, как говорили тогда, «спускала кровь», и вода окрашивалась в красный цвет на три – десять метров в глубину и на довольно значительное пространство по берегу. Это никого особенно не смущало. Возле Банного спуска вода была чище, отсюда не вывозили песок длястроек, как возле бойни, где ежедневно, не обращая внимания на купающихся, на берег съезжали телеги. На телегу ставили сетку, и возчик просеивал песок, набрасывая лопатой; затем песок увозили. Жители северной стороны города купались на набережной, от Каменной лестницы до яхт-клуба, спускаясь по каменной или деревянной лестнице (её теперь нет) или по «Градоначальницкому» спуску, – он начинался там, где сейчас бензозаправочная, по Некрасовскому переулку (тогда – Дворцовому), он тоже сейчас засыпан. На набережной стояли платные купальни, отдельно мужская и женская, от них шли мостки в море. Можно было купаться и в порту, главным образом с северного мола, но там купались те, кто умел хорошо плавать. Яхт-клуб существовал уже в эти годы. Членами его были преимущественно ученики гимназий (мужской и женской), Коммерческого и Технического училищ. Была команда реального училища. Детей рабочих, как правило, не было.

В празднество, устроенное Яхт-клубом летом 1915 года, устроили не только спортивное соревнование команд, но и конкурс декоративно-художественного оформления шлюпок. Коммерсанты из своей шлюпки сделали маленький бронепоезд (шла Первая мировая). Гимназисты украсили лодки гирляндами цветов, а команда учеников технического и ремесленного училищ превратили шлюпку в древнюю галерею с полуголыми гребцами.

Больших, тем более международных спортивных состязаний не проводилось. Но на пустыре у гимназии была спортивная площадка. Там устраивали ежегодно спортивный праздник, в котором принимали участие ученики и ученицы гимназий, технического и коммерческого училищ. В основном младшие классы показывали вольные упражнения, а старшие – работу на снарядах. Руководил занятиями гимнастикой и спортом учитель чех Франц Иванович Витмайер. Местная команда на соревнованиях спортсменов – учащихся Харьковского учебного округа – три года подряд выигрывала первенство, и знамя победителя было оставлено «насовсем» в Таганроге и хранилось в мужской гимназии. На этой же площадке начинался и городской футбол.

Для жителей удалённых переулков море было недоступно, разве только изредка – для молодёжи. Также для взрослого населения пригородов малодоступно было и другое богатство города – городской сад, один из лучших на юге России. Вообще жители Таганрога любили деревья, траву, цветы, почти у каждого дома росли деревья – в основном белая акация и тополь. Во дворах – как правило, садик с вишнями, жердёлами, реже абрикосами, сливами, иногда грушами и яблоками. Во время цветения акации воздух наполнялся её запахом; иногда примешивался нежный аромат маслины, как называли таганрожцы, серебристый лох. Почти в любом дворе был и небольшой цветничок: анютины глазки, левкой, львиные зевы, вербены, флоксы, настурция... На окраинах сажали так называемый «разноцвет» и мальву,

для запаха – ночную фиалку и табак. На улицах цветы не росли, а в пригородах было мало на улицах и деревьев.

Любили таганрожцы и свой городской сад, как тогда называли парк, – хорошо спланированный, местами густо заросший, местами оформленный кустарником, цветочными клумбами и декоративными деревьями: елями, соснами. Он делился на две части: небольшую, огороженную решётчатым забором, – так называемый «круг», и остальную, так сказать, общую часть. В «круге» работал ресторанчик, стояла ротонда для духового оркестра. Вечерами за вход приходилось платить.

После наступления темноты ходить туда было небезопасно из-за возможного столкновения с хулиганами или, как их называли, «фараонами» (в других городах фараонами называли полицейских). В саду была «аллея фараонов», хотя хулиганы встречались вечерами и на других аллеях.

В ротонде «круга» вечерами давал концерты симфонический оркестр. Таганрог был музыкальным городом. На окраине и в пригородах любили играть на балалайке, иногда на гармонике, реже на мандолине или гитаре. Вечерами собирались попеть – главным образом, о Степане Разине, Ермаке... Большую роль в развитии музыкального вкуса горожан сыграли оставшиеся в городе артисты итальянской оперы, гастролировавшей в Таганроге, – Гаэтано Молла и Офичиозо. В первое десятилетие XX века в городском театре выступал перед спектаклями и в антрактах симфонический ансамбль. Управлял им, одновременно играя на скрипке, Офичиозо. А сын Гаэтано Молла – Валерьян Гаэтанович Молла, был одним из руководителей музыкально-драматического общества. Он создал полноценный симфонический оркестр, дававший концерты в саду. Коллектив состоял из участников музыкально-драматического общества, а ведущие пианист, скрипач, виолончелист и некоторые другие музыканты приглашались из профессионалов. Исполнялись симфонии Чайковского, «Шехерезада» Римского-Корсакова, музыка Верди, Грига, но вот Бах, Бетховен – не часто, может быть, это объяснялось вкусами руководителя-итальянца. Но, во всяком случае, исполнялась музыка многих русских классиков.

Важное значение имело открытие музыкального училища Русского Музыкального общества, основанного в своё время Антоном Рубинштейном. Конечно, детей рабочих среди учеников почти не было. Но училище не стало и привилегией зажиточного слоя населения – крупные купцы, богатые помещики предпочитали, чтобы их дети учились музыке на дому. В училище поступали дети служащих, ремесленников, учителей; там преподавали Капелист (рояль) и Гонц (виолончель). Гонц был вторым директором училища, сменив трагически погибшего Валека. Через несколько лет он уехал в Петербург. В петербургских газетах можно было прочитать объявление о сольных концертах Гонца. Наибольшего расцвета деятельность училища достигла в предреволюционные годы и в первые после революции. В этот период в город приехали крупные педагоги и музыканты, дававшие концерты и игравшие в симфоническом оркестре под управлением В. Г. Молла: Бексман (первая скрипка), Френкель (вторая), замечательный пианист Гальперин, альтист Гааг. Френкель же был директором училища и видным искусствоведам, он написал монографию о Шопене. Френкель и Гальперин потом уехали в Москву.

На концерты, которые давало училище, билеты в первые годы советской власти бесплатно распределялись через профсоюзы, что делало их доступными для рабочих – правда, ещё мало посещавших концерты в то время. Обычно исполнению музыкальных произведений предшествовали беседы, их проводил директор училища Френкель. Помню концерт русской музыки, на котором пианист Гальперин исполнял произведения Глинки и Балакирева, концерт старинной музыки из произведений Боккерины и других старинных авторов, концерт музыки Грига. Очень интересный был концерт, посвящённый сонате: Гальперин и Бексоль сыграли три сонаты для скрипки и рояля. Как разъяснили во вступительном слове – классическую сонату Бетховена, отступающую от классических канонов сонату Грига и сонату более позднего автора – Николаевского. Шопену была посвящены две лекции-концерта.

В развитии музыкальной культуры таганрожцев сыграл и пианист Чангли-Чайкин. Таганрог нередко посещали известные певцы. Из них следует вспомнить Платона Цесевича, приезжавшего в составе оперы и с сольными концертами. Особенной популярностью среди таганрожцев пользовался скрипач Михаил Эрденко. Во время его концертов театр был всегда переполнен. Профессиональные музыканты говорили иногда с неодобрением, что, мол, Эрденко слишком идёт навстречу вкусам публики и на концертах исполняет «облегчённую программу». Действительно, концерты Эрденко привлекали широкий круг слушателей. В этом и была его заслуга: он приобщал к искусству большое число неискущённых людей. Исполнялись при этом и классики: Моцарт, Паганини... Конечно, более понятные произведения находили больший отклик у посетителей галёрки. Любили и требовали исполнения музыки Венявского или написанное самим Эрденко попури; где-то в середине концерта с галёрки неслось требовательное: «Кол-Нидрей!» Эрденко, вероятно, был любимым музыкантом у таганрожцев, хотя охотно принимали и других гастролёров-музыкантов. Сегодняшнее увлечение музыкой в профессиональных училищах, студиях, народных операх имеет корни в прошлом Таганрога.

Таганрожцы всегда любили свой театр; посещали его (обычно галёрку) и жители окраин. Как правило, в городском театре был хороший состав артистов. Большим успехом пользовался Гринин – кумир гимназисток, исполнявший самые различные роли: Эдипа в «Царе Эдипе», Китайца Ву в «Мистере Ву» и многие другие. В начале революции был очень сильный состав труппы: артисты Ордынский, Орский, артистка Гаг и другие.

В период между Февральской и Октябрьской революциями прошли спектакли «Павел I», а затем и «Пётр I» Мережковского с участием Ордынского, Орского, Высокого и других ведущих артистов. Но таганрожцы не только любили посещать городской театр, где играли профессиональные артисты. В городе было много любительских трупп. Они создавались в окраинных районах, часто играя летом в чьём-либо дворе, на импровизированной сцене, огороженной импровизированным занавесом. Более организованные любители играли в маленьких театрах – например, театр Иловайского на Соборном (Красном) переулке: большой, длинный кирпичный сарай с зрительным залом, мало приспособленными кулисами и сценой. Там я мальчиком видел любительскую постановку «Ревизора». Запомнилось лишь то – видимо, из разговоров взрослых, – что падая, Бобчинский повалил часть кулис на сцену.

Любители музыкально-драматического общества, в котором музыкальную часть возглавлял Молла, а драматическую – профессиональный актер Говберг (театральная фамилия Яглов), оставивший сцену и служивший в городской управе, – играли преимущественно в театре Ковалёва. Этот театр превосходил размерами и благоустройством театр Иловайского: зрительный зал больше, а сцена, кулисы и артистические уборные – лучше. Находился он в Коммерческом (Украинском) переулке. Любители драматического общества ставили и классические пьесы, например, «Коварство и любовь», и небольшие, лёгкие вещи. Запомнилась шутка «Иванов Павел» – сатира на учителей и учеников классической гимназии. Это была постановка, хорошо принимавшаяся зрителями, особенно самими учащимися, которым, правда, было запрещено на неё ходить. Ирония судьбы: когда директор эвакуированной из Москвы мужской гимназии попросил любителей дать спектакль в пользу его учащихся, любители поставили «Иванова Павла», чем привели в негодование и ужас руководителей гимназии. Несмотря на запрет, и гимназисты, и ученики других училищ ходили смотреть эту пьесу, часто не скрывая этого и не снимая формы. Впрочем, в то время министром просвещения был уже либеральный Игнатъев, сменивший реакционного Кассо, и климат в учебных заведениях сделался более мягким. Вообще же постановки любителей из драматического общества нередко приближались к профессиональным. Некоторые артисты-любители в дальнейшем стали профессионалами, – например, Собанская, Стапилкович, Кожуховы. Собанская затем играла в театре Корша в Москве.

Однако музыкальное училище, театр, концерт были малодоступны для основной группы населения города, а для низкооплачиваемых рабочих, мелких ремесленников в сущности совсем недоступны. Из ценителей искусства того квартала, о котором идёт рассказ,

лишь некоторые ходили в театр, на концерты ходили единицы, в любительских спектаклях не участвовал никто. Значительно более доступным было кино. Первым в Таганроге открылся «Электробиограф», или просто «Биограф Иллюзион», находившийся на углу улицы Ленина и переулка А. Глушко (в то время Петровская и Полтавский; здание разрушено во время войны).

«Электробиограф» просуществовал недолго, его вытеснили конкуренты. Появились «Мираж» на Ленинской (Петровской) улице между Тургеневским (Депальдовским) и Коммерческим (Украинским) переулками; «Аполло» в помещении, где теперь, после перестройки, Дом культуры. Небольшой деревянный «Модерн», там, где сейчас скверик возле парка. Самым уютным и культурным был «Луч» («Комсомолец»). К сожалению, он находился на втором этаже, и когда однажды случился пожар, посетителям пришлось прыгать через балкон. Впрочем, обошлось, кажется, без жертв. Самым большим был кинотеатр Бондаренко («Рот-Фронт»), не имевший специального названия. На нём висела надпись из электрических лампочек «СБ. Кинотеатр», которую жители Таганрога читали как «Самое Большое Кино», хотя буквы «СБ» были инициалами владельца – Семёна Бондаренко. Названия эти вошли в таганрогские частушки: «Милый, ты меня не мучь, я тебе не стенка. Поведи меня ты в "Луч" или в Бондаренко».

Киносеанс состоял обычно из трех разделов. Сначала – видовая картина или чаще журнал-хроника, обычно или «Пате-журнал», или «Гомо», французские. В конце «Пате-журнала» появлялась надпись: «Пате-журнал всё знает, Пате-Журнал всё видит». Потом это звучало в одной из песенок Вертинского: «Что не знает никто, даже братья Пате». Затем шла драма в четырёх-пяти частях и комическая лента, в которых долго царил герой Дурашкин, а потом появился ещё Глупышкин. Они обычно от кого-то убегали или кого-то догоняли. По дороге и от догоняющих и от убегающих здания и разные предметы падали, ломались, сыпались, рушились. Зрители смеялись по упаду, – даже и те, кто и до и после сеанса ругались и возмущались глупостью демонстрируемых фильмов. Исключение составляли шедшие с участием Макса Линдера.

Драмы обычно представляли варианты любовного треугольника. В таком же роде были экранизированы современные литературные произведения вроде «Белой колоннады» и экранизации современных романсов: «Гусары» или «Молчи, грусть, молчи». В последней картине, идущей, что было тогда редко, в двух сериях, были собраны почти все короли экрана: Вера Холодная, Полонский, Рунич, Максимов, Чардынин... Сюжет заключался в том, что молодая, бедная, красивая женщина переходит из рук в руки, от одного богача-содержателя к другому, чтобы в конце фильма умереть от туберкулёза на руках бескорыстно любимого студента и старого мужа Чардынина.

Но были и хорошие экранизации: рассказы Тургенева «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич», «Отец». В первом из них из них дебютировала Вера Холодная, и хотя авторы фильма перенесли действие в современную эпоху, экранизация получилась удачной. То же можно сказать и о других «тургеневских» фильмах, но нужно отменить, что были взяты произведения последних лет, с мистическим оттенком. Экранизировали «Анну Каренину». Анну играла Германова. Тем не менее, фильм был неудачным, хотя в журнале «Солнце России» его хвалили. В 1912 году вышло много фильмов об Отечественной войне 1812 года, но преимущественно посвященных Наполеону. К этому времени относятся несколько слабых экранизаций и «Войны и мира», некоторые даже в двух сериях, что было тогда редкостью. Лучшей оказался небольшой фильм «Наташа Ростова» – без батальных сцен. Главную героиню играла Вера Каралли. Участвовал в фильме и известный киноактёр Полонский.

Постепенно основная часть киносеанса – драма – удлинялась, вытесняя комедию, а иногда и видовую хронику. Появились большие «боевики» вроде «Камо грядеши», «Пана Твардовского» и «Спартак», где доминировала пышность постановок и меньше всего чувствовались социальная жизнь. Но всё же они были шагом вперёд по сравнению с обычными драмами.

Посещали кино все слои населения города: оно было значительно доступнее театра. Продажа билетов шла во время демонстрации фильмов, и войти можно было во время перерыва. А перерывы делались после каждой части: имелся лишь один проекционный аппарат, и ему требовалась перезарядка. В некоторых кинотеатрах публику пускали к началу фильма, и, поскольку места не были нумерованы, в дверях создавалась лавка: каждый хотел захватить лучшее. Несмотря на цену (20 копеек для взрослого и 10 копеек детский билет или ученический), всё же и кино не было широко доступным. Небольшой семье: двум взрослым, одному-двум детям требовалось истратить 50–60 копеек. Не все могли себе это позволить. Помимо этого, рабочим, трудовой день которых длился не менее десяти часов, было трудно выбраться в кино, тем более из окраин, без транспорта, особенно осенью или зимой.

Специально организованных народных гуляний в последние предреволюционные и предвоенные годы (первая мировая война) уже почти не проводилось. В середине XIX столетия такие гуляния устраивали местные богачи. Бабушка моей жены вспоминала, как купец Алфераки, занимавшийся контрабандой, а может быть, и пиратством, организовывал в день своих именин гуляние для «простого народа». Его дом-дворец, в котором сейчас краеведческий музей, был единственным зданием в прилегающем к нему квартале. Весь квартал ограждался высокой кирпичной стеной с бойницами, как крепость (часть этой стены сохранилась по переулку А. Глушко и Лермонтовскому). Вокруг квартала устанавливались масляные площадки, заживавшиеся вечерами и служившие иллюминацией. Во двор выкатывались бочки с пивом и мёдом (пачиток), ставилось угощение: зажаривали быка и барана. Во двор впускали любого, кто желал оказать уважение хозяину. Были и другие способы «замаливания» грехов прошлого. Бабушка рассказывала о другом богатом купце – Варваце, в прошлом – контрабандисте и пирате, по преданиям нечто вроде Моргана. Разбогатев, он стал добропорядочным негоциантом. Каясь в грехах, Варваца сделал большой вклад в строительство греческого монастыря, и в его честь переулок был назван Варвацевским (Лермонтовский). Варваца завещал похоронить его в монастыре, под плитами у входа, чтобы все молящиеся попирали ногами его прах, и тем бы он искупал свои грехи.

Но такие гулянья, как устраивал Алфераки, – дело давнего прошлого. Позже их устраивали общественные организации. Иногда их проводили на ипподроме, который находился за городом, возле магометанского кладбища, в районе нынешней Татарской улицы. Здесь же в последние перед революцией годы поднимались на аэроплане первые русские пилоты, приезжавшие показать своё искусство за плату. Другим местом народных гуляний был большой пустырь против мужской гимназии. Вход на эти гулянья стоил 3 копейки. Внутри были всякие аттракционы: канатоходцы, качели, балаган...

Иногда гуляния возникали сами по себе. Обычно на нынешней Чеховской площади мелкие предприниматели, большей частью в тёплые месяцы, разворачивали аттракционы: лодочки (большие качели в виде лодок с мужскими или женскими именами), карусели с деревянными решётчатыми скамьями или с конями, на которых можно было сесть верхом и даже слегка раскачиваться. Приводились карусели в движение или наёмными рабочими, или мальчишками, получавшими потом право самим кататься. Там же, на площади, стояли разные балаганы с программой невысокого пошиба. В тирах не только упражнялись в стрельбе, но и устраивались своего рода вещевые рулетки. Можно было выстрелить из закреплённого пистолета в вертящийся круг с цифрами: если пулька попадала в цифру, то выигрывалась какая-нибудь вещь. Можно было также толкнуть бегунок, крутившийся вокруг круглого стола с расставленными на нём различными предметами: если указатель бегунка останавливался против какого-либо предмета (духи, мелкие вещи), он выигрывался. Иногда в балаганах открывались передвижные музеи, например «исторический». В нём можно было увидеть умирающую Клеопатру, укушенную змеей. Она должна была дышать, но часто механизм не работал. С помощью стереоскопических стёкол можно было посмотреть реконструкцию разных исторических событий, например, убийство сербского короля Александра и королевы Драги офицерами-заговорщиками. Был «анатомический» музей, в который детей водить не разрешалось.

Юноши и девушки иногда катались на лодочках, дети на карусели – это было наиболее дешёво. Некоторые приходили просто поболтать или пощёлкать семечки, встретиться со знакомыми, посмотреть на зазывал в балаганах или на счастливцев, стреляющих в тире. Здесь же можно было купить семечки, и марашетки, и напитки. Продавался лимонад в большом стеклянном кувшине или графине: прозрачная янтарная жидкость, в которой плавали несколько половинок разрезанных лимонов и кусочки льда. Это было очень соблазнительно, но чистота содержимого была весьма сомнительной.

Время от времени над площадью протягивался канат; ходил канатоходец. Деньги собирали в кружку: кто что даст. Канатоходец был искусным, ходил с балансом и без него, с кипящим самоваром на голове, в цепях и т. д. Зрителей в праздничные дни собиралось много. Вне праздников большая часть зрелищ свёртывалась, оставались лишь лодочки и карусели.

На этой же площади позднее построили цирк – вначале почти весь полотняный, затем деревянный; он принадлежал известному цирковому артисту и антрепренеру В. Труцци. Выступали обычно члены его семьи с дрессированными лошадьми, известные клоуны Лепом и Эйжен, и другие. Время от времени с успехом проходили выступления борцов. Кстати, здесь выступал борец-негр Чемберс Цитс, прообраз Чемберса Пепса у И. Д. Василенко. Был и борец Клеменс Буль – у Василенко Клеменс Руль. После революции здание обветшало, внешний вид его не украшал площадь, и его разобрали. В настоящее время выстроено новое кирпичное здание цирка – немного в стороне от прежнего.

Характер проведения досуга у жителей города определялся в первую очередь не тем, что предлагали им владельцы аттракционов или городские власти, а материальными возможностями и уровнем развития. Но стать грамотным, получить образование жителю Таганрога было не так просто. Материальные возможности – это только часть проблемы. Так, в гимназии лишь плата за обучение составляла 60 рублей в год. За трёх детей (а такие семьи не считались большими) – 180 рублей в год или 15 в месяц. При зарплатке 60–80 рублей (такой считался неплохим), половину или треть нужно было отдать за обучение, не считая одежды, формы, учебников... Но было и другое обстоятельство – малое число учебных заведений; полных средних училищ для мальчиков – всего три: мужская гимназия, техническое и коммерческое училища. Женских гимназий – две, и лишь за 3–4 года до революции их стало три (из них одна частная).

Полноценный аттестат зрелости давала лишь мужская гимназия; от выпускников других училищ для поступления в университет требовалось сдавать дополнительные экзамены по латинскому языку. Для поступления в технические высшие учебные заведения достаточно было окончить техническое училище без латинского языка. Экзаменов не требовалось, был конкурс аттестатов, причём достаточным признавалось просто наличие аттестата, даже с тройками. Из Таганрога большей частью поступали в Харьковский университет как наиболее близкий. В Ростове университета не было. За несколько лет до революции открылся университет в Днепропетровске, в то время – Екатеринослав.

Но высшее образование получить было все же трудно: высокая плата за учение, за квартиру и питание в чужом городе, за учебники... Оно являлось привилегией жителей центрального района Таганрога. Но из окраинных кварталов отдельные редкие примеры всё же были. Так, в одном из кварталов жила семья, где две сестры-модистки работали, чтобы дать возможность брату окончить гимназию, а затем и университет. Они очень гордились братом-студентом и, проходя по переулку с ним вместе, по мнению местных жителей, «задавались». Но началась первая мировая война, студента мобилизовали, направили в офицерское училище с ускоренным выпуском, и он вскоре погиб (один из первых погибших таганрогских офицеров).

А для поступления в подготовительный класс единственной мужской гимназии требовалось держать экзамен по трём предметам: диктант, арифметика и Закон Божий. Для не имевших особых привилегий желательным было получить три пятёрки. Те, кто отсеялся, могли на следующий год попробовать поступить в первый класс. Первых классов, как и последних,

было два: основной и параллельный. Помимо трёх мужских и трёх женских средних школ, имелись ещё мужское 4-классное и «городское» училища и женская прогимназия, также равнявшаяся 4-классному училищу. Все эти школы находились в центре города. А в пригородах – 2-классные училища: Мещанское (угол Соборного, сегодня – Красного переулка и Митрофановской, ныне – Карла Либкнехта улицы), одно в районе старого вокзала, другое на Владимирской площади (пл. Мира). Были ещё маленькие национальные школы, не дававшие каких-либо прав: армянская при армянской церкви, еврейское и греческое училища. Последнее окончило существование ещё за несколько лет до революции. При Мещанском и при других начальных училищах была и воскресная школа, где молодёжь старшего возраста могла получить начальное образование. Были маленькие частные школы, вроде школы сестёр [пропуск 9 букв] на углу Красного переулка и Чеховской площади, где десять-двенадцать учеников получали начальное образование в пределах современных 1–2 классов. Таким образом, жители имели возможность получить начальное образование в противоположность селянам. Но даже неполное среднее, а тем более полное среднее получить было трудно даже вне зависимости от материальных возможностей.

Грамотность горожан была значительно выше, чем у жителей села, здесь процент грамотных достигал 90%. Но в окраинных кварталах, и особенно в пригородах, уровень грамотности был в пределах одного-двух классов. В свою очередь, росту грамотности служил препятствием недостаток библиотек.

До того, как выстроили хорошее здание для библиотеки, которой присвоили имя А. П. Чехова, население центра, изредка жители окраин, пользовались библиотекой Черницкой, находившейся в Исполкомовском (Итальянском) переулке. Но и новая была недоступна для большей части жителей: требовался залог – 2 рубля, а кроме того, месячная плата – 20 копеек. Так, отец хотел почему-то прочитать «Камни» писателя и художника Фёдорова. Тщетно из месяца в месяц давал на неё заявку. Увидев в каталоге, что есть другая книга того же автора, я по своей инициативе давал на неё заявку, но и здесь не имел успеха. Так же было и со многими другими заявками. Сравнительно легче доставались произведения Потапенко, Мордовцева и некоторых других. Нетрудно было достать книги по географии, истории и т. д.

Кроме того были библиотечки в школах, гимназиях и клубах, говорили, что в «Маленьком клубе» хорошая библиотека, но лишь для ограниченного числа его членов. Таких клубов было три: «Коммерческий» (владельцы заводов, старшие служащие заводов и банков, крупные помещики, купцы, вообще люди с большим достатком), «Общественное собрание», или «Маленький клуб» (мелкие служащие, мелкие торговцы, некоторые врачи, учителя и т. д.) и «Самопомощь» (приказчики). Помимо клубных библиотек имелась и библиотечка в районе маяка, составленная из детективно-приключенческих книг, часто невысокого пошиба, платная, но плата была невысокая (подписчики – ученики; они же – основные покупателями многочисленных серий приключений «Ната Пинкертона», Ника Картера, конандойлевского Шерлока Холмса, капитана Морса и серийных романов с продолжением вроде «Красная маска», «Картуш», «В сетях преступлений», «Валериан Кутров»).

Этой страсти были подвержены многие ученики. Они собирали деньги, полученные на завтрак и другие мелкие покупки. Чаще всего книги покупали в газетных киосках, один находился на углу Петровской (Ленинской) улицы и Полтавского (А. Глушко) переулка, другой на углу Чеховской улицы и Деспальдовского (Тургеневского) переулка, третий, кажется, на Гоголевском переулке, близ базара. В них продавались газеты, книги о сыщиках и еженедельные журналы. Чаще всего это были столичные газеты, в основном рассчитанные на покупателя из центральной части города: «Русское слово», «Речь», «Новое время»... Среди жителей окраин и пригородов из легальных газет пользовалась популярностью газета «Копейка» – из-за своей дешевизны и в какой-то мере из-за содержания. Другие стоили по 5 копеек. Эти газеты попадали в Таганрог с опозданием на 2–3 дня. Чтобы быть в курсе текущих событий, покупали «Приазовский край». Покупали и «Таганрогский вестник», но газета эта, по крайней мере в годы, предшествовавшие революции, не пользовалась в прогрессивных кру-

гах уважением: общий тон верноподданный, а изложение местных событий нередко носило характер сплетен.

Кто ездил в то время поездом, помнит, верно, что летом, стоя у открытых окон, можно было видеть и слышать мальчишек, кричащих вслед поезду: «Газеты, газеты!». Отец объяснял мне, что это со времен русско-японской войны жители деревень кричат навстречу поезду, чтобы сбросили газету – что-нибудь узнать о войне. Газеты в село не попадали.

В киосках можно было купить и столичные журналы. Наибольшим спросом пользовался «Огонёк» главным образом из-за политической карикатуры на первой обложке. Неоднократно фигурировала «Дума» с Пуришкевичем, Жарковым и т. д. Так, на обложке одного журнала в серии карикатур была представлена история трёх Государственных Дум. На первом рисунке председатель Первой Думы Муромцев восседает на волнующемся коне, на втором рисунке председатель 2-й Думы Головин уже с трудом удерживает коня, на третьем рисунке Гучков в доспехах старого русского богатыря со щитом с надписью «Сошитаемся» сидит на коне, запряжённом в водовозку, и на четвёртом Гучков лежит на земле под переехавшей его повозкой, рядом щит с надписью «Сосчитались». Была карикатура, посвящённая распрям в среде отпетых реакционеров. На ней изображался в виде вши или блохи Пуришкевич с его шишковатой палкой. Он стоит у забора и пишет на нём. Как известно, «заборной литературой» занималась хулиганствующая молодёжь, делавшая на заборах непристойные надписи. Пуришкевич пишет «Павел Дупенский, сочинение Володи Дупенкевича». Из-за забора выглядывает голова Павла Крупенского и графа Бобринского. Крупенский говорит: «И охота вам, граф, смотреть всякую гадость». Бобринский отвечает: «А это с естественно-испытательной точки интересно, а от запаха трубка помогает».

Были карикатуры на порядки в столице. Так на одной из них городской голова Петербурга Глазунов гордо выходит с надетой на шею цепью – знаком достоинства городского головы. В то время Петербург был переполнен крысами. Они в следующих рисунках нападают на Глазунова и, как пишет карикатурист, расправляются с ним хуже, чем с известным епископом Гаттропом, съедают его одежду. На последнем рисунке Глазунов голый, лишь с цепью на шее, бежит по Петербургу.

Была и карикатура на попытку петербургского высшего света устроить 1 мая карнавал. На рисунке автомобили, экипажи, украшенные гирляндами цветов, но на них одетые в шубы, меховые шапки и муфты представители высшего света, съёжившиеся от холода. Под рисунком подпись: «И у нас как в Ницце».

Всё это рисовал их художник Пьер О. В начале Первой мировой войны появилась последняя карикатура Пьера О. в «Огоньке», и уже не на первой, а на последней странице: на Вильгельма. В следующих номерах вместо карикатур на первой странице появлялись фотографии или рисунки на военные темы.

Помимо карикатур, «Огонёк» представлял читателю злободневный фоторепортаж. Что касается литературного содержания, оно было невысоким.

Другие еженедельные журналы вроде «Всемирной панорамы», «Синего журнала», то возникавшие, то исчезающие, имели меньший успех.

Иной характер носил журнал «Солнце России». Он был большого формата, печатался на лучшей бумаге, в нём публиковались репродукции современной, главным образом зарубежной живописи. Много места уделялось вопросам искусства, но в основном с расчётом на элитарное восприятие: статьи о режиссёре Евреинове и его поездке в Египет, об артистах балета, о театре «Летучая мышь» и его основателе и режиссёре Балиеве, о постановке Марджанова «Пастораль»... Выпускались специальные номера, богато иллюстрированные, посвящённые Чехову, Художественному театру, Комиссаржевской, художникам Серову, Репину и другим.

Популярностью среди представителей небогатой интеллигенции пользовался журнал «Нива», приходивший по подписке. В нём печатались известные в то время писатели: Фёдоров, Луговой, Потапенко, Брешко-Брешковский, Василий Иванович Немирович-Данченко... Обычно – повести или романы, продолжавшиеся из номера в номер: три-четыре повести за

год. Как правило, выпускались, как и в других журналах, пасхальный, рождественский и новогодний номера. В каждом номере было четыре репродукции картин современных художников, обычно зарубежных. Чаше всего была ссылка на «Парижский салон». Более интересными были месячные сборники повестей и рассказов, дававшиеся как бесплатное приложение. В них также печатались современные писатели и поэты, встречались интересные критические статьи – например, К. И. Чуковского «В стране разноголосых», посвящённая современной поэзии. Но наибольшую ценность, из-за которой и подписывались на «Ниву», представляли собрания сочинений классиков и современных русских и зарубежных писателей: Лермонтова, Лескова, Салтыкова-Щедрина, Глеба Успенского, Чехова, Куприна, Короленко, Мей, А. К. Толстого, Вересаева, Ибсена, Гауптмана, Метерлинка....

Выписывая из года в год «Ниву», можно было составить очень приличную библиотеку классиков и современников. Подписная цена составляла 8 руб. в год с рассрочкой. С начала Первой мировой войны журнал и значительная часть его ежемесячных литературных выпусков заполнились произведениями на военные темы. То же было сделано и всеми другими журналами.

В городе имелось несколько книжных магазинов, но в сущности удовлетворял потребности любого читателя магазин Василевского на Петровской (Ленина) улице. Он занимал часть помещения, в котором сейчас магазин КОГИЗа. В другой части нижнего этажа располагался оружейный магазин Негло, соблазнявший мальчишек выставленными на витрине ружьями и револьверами. На центральной улице стоял второй, меньший книжный магазин, принадлежавший Филевскому, преподавателю истории в женской гимназии. В нём в основном продавались учебники. Филевский сам написал учебник русской истории, в сущности переделав известную «Историю» Иловайского.

Так как Филевский преподавал историю в гимназии, естественно, его учебники имели спрос. Продавалась и другая литература, но по сравнению с магазином Василевского выбор был более бедным. Может быть, помимо чисто бюджетных возможностей здесь сыграли роль вкусы и симпатии хозяина, человека безусловно реакционных взглядов. Писатель И. Д. Василенко рассказывал: Филевский был на выборах в Думу кандидатом от правых, включая печальной известности «Союз русского народа».

Был небольшой книжный магазин братьев Левиных на углу улицы Чехова и Чеховской площади. В нём продавались только учебники, в основном для первых классов, а также письменные принадлежности. Ещё один книжный магазин стоял на базаре напротив женской гимназии (теперь школа № 15). В нём также продавались письменные принадлежности, учебники для начальных школ, а также небольшие книжки вроде «Бовы-Королевича», «Еруслана Лазаревича», книги о Ермаке и т. п. Книжки покупались приезжавшими на базар крестьянами. Продавался и большой выбор лубочных картин, главным образом военные эпизоды, вроде подвига Козьмы Крючкова. ..

На этом записки П.Ф. Тюрина обрываются. Оборвалась и жизнь того небольшого, уютного, в чем-то мещанского, а в чем-то и очень интеллигентного круга, в котором автору довелось родиться и прожить четырнадцать лет, – круга провинциальных банковских служащих, торговцев, мелких предпринимателей... Переворот 1917 года положил конец старому, «чеховскому» Таганрогу.